

Ненастный свет. Прощеная вода.
Я между «навсегда» и «никогда».
Ты между смертью и ее повтором.
На реверсе, на вечном колесе
Мы выживаем, кажется, не все.
...Я прилечу к тебе на самом скором –
На световом, – а он так невесом,
Что мне самой останется, как сон,
Не воплощаться, а висеть на грани.
На грани между вечным и живым,
Где Бог в окне смирен и недвижим,
Как подорожник, прикипевший к ране.

Пабло Пикассо рисует светом.
Женщина глядит через плечо.
То, что нынче называлось летом,
Все еще лицо мое печет...
Травы осыпаются сквозь травы,
Промывая неба решето.
Твой рисунок – детский и корявый,
Потому что все разрешено.
Потому нам и смешно, и грустно
Мир ваять из маленьких частей,
Где-то между жизнью и искусством
Угадать пытаюсь, что честней.
Светит образ в солнечном пожаре
(Ты мой сон, а я, должно быть, твой) –
Одуванчик, девочка на шаре,
Перевернутый вниз головой.

Хорошо
гореть
бессонницей молодой,
Когда понял все,
не вопрошая дважды.
Боже, я не могу
напиться твоей водой.
После крови твоей
вода не сбивает жажды.
Хорошо
притихшей скрипкой
дышать в чехле
за твоим плечом,
от жизни тебя врачуя.
Боже, я не могу
вкусить твой горючий хлеб.
После плоти твоей
я вкуса его не чую.
Хорошо
в прихожей темной
на ржавый гвоздь,
чтобы болью в лоб
убить и цвета, и звуки.
Боже, я твоих слов
больше не слышу сквозь.
Только руки твои
слышу я,
только руки...

В прошлой жизни, ты помнишь, я была воином.
И когда мне башку проломили копьем,
То река из дыры понеслась так упрямо и вольно,
Что собою пробил Великий каньон.
И когда мне потом возвращаться пришлось
в темноту родового припадка,
Прикрывая ладошкой в слепой голове незаросший пролом,
Разве знала она, из советских сестер повивальная бабка,
Как закрыть
то, во что ей не верилось
в будущем светлом своем.
На младенческой лысой моей голове оставались родимые пятна,
А потом выростали забвение, волосы, лен.
Но когда я стою на ветру,
то он дует все время обратно,
Прогоняя коней по хребтам беспокойных времен.
Отражай белый свет, останавливай
в воздухе камень.
Как пружинит земля, будто вздыбленные стремяна.
Через брешь в голове до сих пор
фиолетовый дождь протекает
И сочится по радуге, чтоб не увяла она.

* * *

Моя мертвая дочь,
я зачем-то держу тебя за руку.
Если руки поднять –
будет арка моста.
Останавливайся на мосту,
не води меня за реку. –
Тут – сильней высота!
Тут – звончей провода!
Мы, воздушные воины радости,
Поднимаем до неба
промозглую воду из рек.
Кто убил тебя, он не хотел,
он всего лишь не справился.
Он всего лишь простой человек.
Чем ты можешь помочь,
человечьей разлукой прострелена?
Распускай свои волосы,
Спи в изголовье зимы.
Кто из нас кому дочь? –
Все зависит от точки прозрения.
Кто из нас кому свет,
Отнимающий нас у тьмы?..

* * *

Мельтешат мальчишата, девчущки снуют,
Эти верткие птицы, слетевшие с веток.
Мы по рельсам России, но это не суть,
Отбиваем разбег. Улыбнись напоследок?
Оставайся, попутчица, рыжая в мед,
Вечной девочкой с мыльными вдрызг пузырями,
И покуда их гроздь над перроном плывет,
Не бывать темноте ни с тобою, ни с нами.
Это вечнозеленое лето кипит,
Кружит пена листвы, побережья, варенья.
Посмотри в этот день и не жди повторенья,
Это все – одноразовый клип.
Наблюдай, как ты имя теряешь в пути,
Как танцует в тебе кочевой этот вирус,
Набирай городов, увози, архивируй,
На шарах своих мыльных лети.
И пока мы взбиваем вселенскую пыль,
Этот шар голубой превратится в планету.
Потому что из сказки рождается быль.
И обратного поезда – нету.